

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ РОМАН

КОГДА ЖУРНАЛИСТЫ

ЭДУАРД

САГАЛАЕВ

Руководитель «Останкино»,
ВГТРК, ТВ-6 в 90-е годы

БЫЛИ СВОБОДНЫ

Свидетель эпохи

Эдуард Сагалаев

Когда журналисты были свободны

«ЭКСМО»

2021

УДК 070
ББК 76.032

Сагалаев Э. М.

Когда журналисты были свободны / Э. М. Сагалаев — «Эксмо»,
2021 — (Свидетель эпохи)

ISBN 978-5-04-119020-0

Автобиографические очерки Эдуарда Михайловича Сагалаева, одного из создателей современного российского телевидения. Книга проникнута лирикой, юмором, ностальгией, уважением к профессионализму коллег и учителей и в тоже время наполнена энергией, свойственной первооткрывателям и участникам великих перемен в политической, общественной и культурной истории. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 070
ББК 76.032

ISBN 978-5-04-119020-0

© Сагалаев Э. М., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Вступление	6
Глава первая	9
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эдуард Сагалаев

Когда журналисты были свободны

© Сагалаев Э.М., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Вступление

Я писал эту книгу долго. После каждой главы останавливался и думал: кому это нужно? Воспоминания человека, который сегодня не занимает крупную должность, не является выдающимся артистом, научным деятелем, писателем – то есть человеком, к которому я сам бы испытывал глубокое уважение. Не является и политиком – к людям этой профессии я отношусь гораздо более настороженно.

Мое место службы – Национальная ассоциация телерадиовещателей (НАТ), я занимаюсь проблемами федерального и регионального ТВ. Мы помогаем региональным телевизионщикам «добираться» до зрителя оптимальными маршрутами.

Вместе с Александром Широких, генеральным директором НАТ, и при поддержке Общероссийского народного фронта (ОНФ), Союза журналистов и Министерства цифрового развития в лице Алексея Волина мы «продавили» законы о 21-й, а потом и 22-й кнопке, которые поддержали существование региональных каналов в кабельной сети. Развитием других каналов НАТ активно занимается в интернете.

Один из приоритетов нашей ассоциации – помощь ветеранам. Сергей Николаевич Кононыхин, в прошлом спортивный комментатор, один из руководителей Центрального телевидения, возглавляет работу общества поддержки ветеранов российского телевидения, которое получает щедрые денежные пожертвования от ВГТРК, Первого канала, НТВ.

Я не вмешиваюсь в содержание современных телевизионных программ. Напротив, меня восхищают многие фильмы и сериалы на российских каналах, я с удовольствием смотрю канал «Культура», многие тематические каналы. Но есть и то, что меня шокирует. Это прежде всего так называемые ток-шоу, «аналитические» передачи. Есть ли смысл вступать мне в полемику с Норкиным или Соловьевым? Нет, их никто не переубедит, я это знаю.

Я просто делаю то, что считаю своим вкладом в телевидение. Это семь документальных фильмов «Мистические путешествия с Эдуардом Сагалаевым», цикл бесед «Мудрость идиота» с такими людьми, как Паола Волкова, и еще рядом ярких личностей. Да, они не вышли на больших каналах, но еще вопрос, кто от этого потерял. Зато у меня есть своя аудитория, которую я искренне уважаю.

Я могу быть интересен своими друзьями. Людьми, с которыми я вырос. Людьми, которые учили меня. И людьми, которых уже я учил сам. Удивительно, они до сих пор меня помнят и благодарны за ту школу, которую у меня прошли. Когда-то давно под моим крылом начинали работать нынешние руководители крупных ТВ-каналов.

И сегодня уже я могу обратиться к ним со своими проблемами и вопросами, и они помогают мне и продолжают каждый год поздравлять с днем рождения.

Когда-то я занимал высокий пост – чем выше у человека должность, тем больше людей записывается к нему в друзья. Но и сейчас количество друзей у меня практически не убавилось. И я очень ценю каждого из них. Константина Эрнста, Олега Добродеева, Романа Петренко, Александра Аكوпова, Кирилла Легата, Антона Златопольского, Манану Асламазян, Аркадия Майофиса, Оксану Барковскую, Рифата Сабитова. Я дружил и дружу с людьми, невзирая на их положение в обществе, изменения в биографии и изгибы карьеры. Никогда не забуду Михаила Лесина и других рано ушедших от нас коллег и друзей.

Я дружу с Алексеем Волиным, Михаилом Сеславинским, Владимиром Григорьевым – сейчас они во власти. Но я помню их еще с тех времен, когда мы все были – Леша, Миша, Вова, Эдик...

Однажды Леонид Парфенов подарил мне диск со своими фильмами с надписью – «от птенца Сагалаевского гнезда». Не скрою, мне это польстило. Знаю, и другие талантливые, успешные люди считают себя такими «птенцами». Я часто вспоминаю Игоря Шестакова,

главного продюсера телеканала «Россия 1», Михаила Пономарева, который работал главным редактором «Вестей», Дмитрия Диброва, Олесю Фокину, Андрея Кнышева, Дмитрия Киселева – они очень разные, но о годах работы с каждым из них у меня остались только приятные впечатления.

Очень уважаю Ирину Петровскую – она всю жизнь пишет о телевидении. Арину Бородину – я беру с нее пример как с человека с активной жизненной позицией. Александра Карпова – с ним мы сдружились много лет назад, когда он работал в Красноярске. Потом мы уже вместе работали в НАТ, а сейчас Саша живет в Испании. Мы дружим с Олегом Урушевым, который сейчас живет в Москве и занимается кино, – один из его самых известных фильмов – «Тобол». А сблизилась мы еще в 90-е годы, когда наш канал ТВ-6 проводил фестиваль «6 дней ТВ-6 в Сургуте» – и Олег был «принимающей стороной».

Александр Любимов, Иван Демидов, Александр Пономарев, Владимир Молчанов – это люди, рядом с которыми прошла большая часть моей жизни.

Это Ирина Червакова, Александр Полещук, Владимир Егоров, с которыми мы знакомы со времен комсомольской молодости. Это Виталий Игнатенко – он был вице-премьером Правительства РФ, гендиректором ТАСС.

В моей деревне Протасово растет уральская рябина. Ее маленьким саженцем подарил мне Игорь Мишин – тот самый, что основал независимый 4-й канал в Екатеринбурге. Он не имел отношения к телевидению: торговал древесиной, а после – открыл сеть видеосалонов. Но его увлекло телевидение – и 4-й канал Екатеринбурга стал эталоном для многих. Сейчас Игорь Мишин руководит видеопроектами в крупной компании МТС, он известный в России кино- и телепродюсер.

Бывший связист Андрей Григорьев построил в Казани телевышку для своего ТВ-канала. Сейчас он владелец крупного регионального медиахолдинга, куда входит и ТВ-канал, и радио, и газета, и даже компания по строительству телевышек.

Михаил Микшис первым провел в Сочи кабельное телевидение, основал местную независимую телекомпанию... таких людей, открывавших тогда собственные ТВ-каналы, – десятки. Когда я в 1994 году стал президентом Национальной ассоциации телерадиовещателей (в те времена она называлась по-другому), то увидел, как много в нашей стране фанатов телевидения, причем – высокопрофессиональных фанатов. И как непросто складываются у них судьбы.

Кстати, стать президентом НАТ мне предложил новосибирский журналист и медиаменеджер Яков Лондон. И его судьба очень показательна для тех, чей профессиональный расцвет пришелся на 90-е годы. Талантливый журналист, он в 1998 году пережил покушение. Шесть пуль. Одна из них пробила позвоночник. Яков выжил. В 2002 году получил премию ТЭФИ. Но до конца жизни передвигался лишь на инвалидной коляске.

В числе моих друзей – и люди, с которыми мы познакомились на тропе познания человека и мира и, что важнее всего, – души человеческой.

Это Станислав Гроф – родоначальник трансперсональной психологии. Ему в 2021 году исполняется 90 лет, но он активно работает в США. Это Владимир Майков – виднейший представитель трансперсонального сообщества в России, ученик Грофа. Это суфий Сергей Москалев.

Очень многие и очень разные люди – мои друзья. И в этом кругу мне интересно и радостно жить.

Но самое главное – у меня замечательная жена. Я никогда не говорил об этом вслух, но сегодня должен сказать – очень многим в жизни я обязан ей. Она терпит меня уже более 50 лет. Любит и терпит. А я очень непростой человек в браке. Но у жены хватило сил, чтобы жить со мной так долго.

У нас замечательные дети – Миша и Юля, чудесные внуки.

Я не знаю, сколько мне еще отмерено, но стараюсь прожить оставшиеся годы с чувством собственного достоинства и с ощущением, что моя жизнь была не бесполезной. Какой она была? Об этом – моя книга.

Я благодарен всем, кто помог мне ее написать: друзья, и ваши советы, и ваша критика были бесценны. Кроме того, благодарю Светлану Иконникову, которая помогла мне с литературной обработкой книги.

Глава первая

Двор

Это был обычный самаркандский двор. Его окружали дома: один на две семьи, другой – на три, третий – на одну. А внутри домов был он – двор. Центр, куда стекались все дети, слухи, разговоры.

Из нашего двора выносили гроб с телом моего дедушки. Осторожно поставили на грузовик, опустили у машины борта. Традиция Самарканда: всех покойников везли на кладбище в открытых гробах (желающие могли посмотреть на усопшего) на грузовиках с откидными бортами. У изголовья сажали маленьких внуков.

Меня, семилетнего, тоже посадили возле гроба. Я смотрел на лицо дедушки – совсем не такое, каким было в жизни. Смотрел по сторонам. И чувствовал, как на меня смотрят сотни глаз.

Похороны в Самарканде становились культурным событием: грузовик, украшенный лентами и цветами гроб, оркестр, играющий траурный марш Шопена... На них собирались, как на шоу.

Процессия шла через весь город и завершала свой ход на улице Коммунистической, упирающейся в кладбище. Но пока мы двигались по улицам, меня охватило чувство, которому не найти определения, пожалуй, ни в одном языке мира. Это был заполняющий душу восторг: я чувствовал, что стал центром внимания, что на меня смотрят, мне сочувствуют. И в то же время – леденящий ужас непонятного происхождения.

Я случайно коснулся лба дедушки – и отдернул руку. Его лоб был холодным. Намного холоднее моей руки, холоднее воздуха... Его лоб был холоднее льда. Таинство смерти... В тот момент я почувствовал: в теле, которое лежит в гробу, больше нет моего дедушки. Но значит, где-то в другом месте он есть!

...Мы познакомились с дедушкой слишком поздно и знали друг друга слишком мало. Но история нашего знакомства – мистическая.

Мне было шесть лет. Мы играли в лянгу – подбрасывали ногой кусок свинца. У кого выше взлетит, тот и победил. Настала моя очередь, я поудобнее приладил свинец на ботинок, примерился – и замер.

По улице шел человек. Пожилой мужчина в сером пиджаке, в сапогах. И я вдруг бросился к нему:

– Дедушка! Ты вернулся!

Мужчина обнял меня, дал шоколадку.

Он был моим дедушкой. Он никогда не видел меня. Я никогда не видел его. Но каким-то образом мы узнали друг друга.

Мои родители познакомились в небольшом райцентре Шурчи в Кашкадарьинской области Узбекистана. После войны отец демобилизовался в звании капитана, устроился работать в местный райвоенкомат... А мама моя была из Саратовской области. В зажиточном селе Кленовые Вершины жила большая крестьянская семья. Про таких говорят: крепкое хозяйство. Но в 30-е годы говорили иначе – кулаки. У главы семьи было кожаное пальто – почти роскошь по тем временам. И местный председатель комитета бедноты на это пальто положил глаз. Дальше все было просто: семью раскулачили, сослали в Среднюю Азию... Жаль, не знаю, досталось ли пальто тому председателю комбеда. Впрочем, какая сейчас разница?

Повезло, что не отправили в лагерь. Так мои дед, бабушка и их многочисленные дети оказались в Узбекистане. Кстати, несколько лет назад вместе с Алексеем Пивоваровым я ездил

в Кленовые Вершины. Алексей снимал передачу о раскулаченных крестьянах, я показывал ему наше родовое село... Ничего, кроме красивого названия, не осталось от Кленовых Вершин после раскулачивания. Когда-то крупное, богатое село исчезло полностью. Только кладбище сохранилось – такая ирония судьбы.

Историю нашего рода сейчас изучает мой троюродный брат Владимир Сагалаев: он скрупулезно выстраивает фамильное древо. Начал чуть ли не с XIII века и довел хронологию до наших дней. Никто не остался забытым: ни раскулаченные, ни погибшие во время Великой Отечественной войны, ни наши современники.

Моей маме было 12 лет, когда семья не по своей воле уехала в Узбекистан. Впрочем, жаловаться на судьбу не приходилось: семья обосновалась в Самарканде, мама моя после окончания школы поступила в медицинский институт, окончила его – и по распределению ее отправили в тот самый райцентр Шурчи, где она и встретила папу.

Познакомились они, уже не будучи «пылкой молодежью»: маме исполнилось 28 лет, папе – 35. Мама потом рассказывала: до папы у нее был любимый парень, но во время войны пропал без вести. Но рассказывала она это вскользь – папе такие разговоры не нравились. Вообще, с яркостью чувств у них все было в порядке. Однажды в военкомате папа и его коллега (кажется, его звали Евгений Серпин) чистили пистолеты. И вдруг папа выстрелил в Евгения. Рана, к счастью, была неглубокая, Евгений выжил. Официальная версия звучала так, как и положено официальной: то ли неосторожное обращение с оружием, то ли неисправность. Но неофициально называли другую – папа приревновал Евгения к маме.

Давала ли мама повод? Не знаю. Но то, что я перенял от родителей умение нырять в самые глубины эмоций, – однозначно.

Жили родители в Шурчи недолго. Жизнь в кашкадарьинской глубинке вообще не баловала. А уж мамина профессия и вовсе не оставляла ей шансов на спокойную жизнь. Мама ходила на вызовы к больным. Причем «ходила» зачастую оборачивалось десятками, а то и сотнями километров. Она ездила по полуразбитым дорогам на таком же полуразбитом грузовике. Летала на «кукурузнике». В свой первый полет мама, совершенно не ожидавшая той «турбулентности», что АН-2 щедро дарит каждому пассажиру, кричала: «Остановите самолет, я сойду!»

А однажды ночью за ней увязались волки. Она шла по тропинке в соседнее село – и увидела светящиеся огоньки глаз. Убежала.

Словом, при первой возможности мои мама и папа переехали в Самарканд – к маминым родителям. Там, в этом вечном городе, я и родился.

А вот деда своего увидел, только когда мне было шесть лет. Тюрьма все-таки его настигла: он работал бухгалтером, его обвинили в растрате (совсем не знаю деталей этого дела) и посадили.

Как мы узнали с ним друг друга в нашем самаркандском дворе? Голос крови? Мистика? Случайность?

Я шел по улице в школу. Осень в Самарканде – совсем не то, что в средней полосе России. В сентябре запросто можно получить солнечный удар, да и в октябре, если постараться, тоже можно вспотеть. Летом же температура может подниматься до пятидесяти градусов – и это вовсе не считается из ряда вон выходящим явлением.

Как правило, в такую жару люди предпочитают прятаться в тени, а я всегда рефлекторно выбирал солнечную сторону улицы. Есть у меня мистическое чувство, что я напивался этой солнечной энергией на много десятилетий вперед. И кажется, она много раз помогала мне в самые сложные моменты.

Дорога от дома до школы была не слишком длинной, так что шел я медленно и с книгой в руках. Так, как сегодня люди ходят по улицам с телефонами.

Чтение не было моим хобби – это была страсть.

Читать я научился в шесть лет. Первой самостоятельно прочитанной книгой стал томик Эмиля Золя. Нет, я вовсе не был поклонником Золя в дошкольном возрасте. Книгу из домашней библиотеки родителей взял совершенно случайно – меня просто привлек корешок. Раскрыл, начал читать – и не смог оторваться. Мне казалось, я понимаю все, о чем там написано. Все эти ложбинки и впадинки. Даже сейчас кажется, что я все понимал.

Потом переключился на более соответствующую возрасту литературу – Жюль Верна, Луи Буссенара. Читал русскую классику – всю, без разбора. Я старался, чтобы книга, которую читаю, всегда была под рукой – дома, в школе, в гостях.

В школе, кстати, тоже читал прямо на уроках, положив книгу на коленки. Учителя, заметив такое, ругались. Впрочем, надо отдать должное: чтение книг на уроках было меньшим из зол.

Самарканд – город бандитский. Сюда отправляли освободившихся из тюрем. Сюда ссылали тех, кого не отправили в лагеря. Сюда, в теплый климат, приезжали те, кто жил перекасти-полем, – все «асоциальные элементы», что никак не вписывались в эталонную картину счастливой Страны Советов.

Это была атмосфера, в которой законы и общечеловеческие нормы морали лишь принимались к сведению, но вовсе не были обязательными к исполнению. И атмосфера эта пропитывала весь воздух Самарканда – вплоть до младшей школы.

Я, надо сказать, тоже не отличался хорошим поведением. Скорее, был в числе лидеров наших хулиганских группировок. Первые пять классов учился на «отлично», а потом в моем дневнике стала появляться вся россыпь оценок – от пятерок, которые случались все реже, до единиц, которые строили свой частокोल все чаще.

Однажды в школу вызвали мою маму.

Когда она пришла, к ней в очередь выстроились учителя. Каждый нес свою боль, рассказывая, что именно я не сделал (хорошего) и что сделал (плохого). Мама сначала внимательно их слушала. А потом вдруг, перебив очередного учителя на полуслове, сказала:

– Вы все наговариваете, мой Эдик – прекрасный мальчик. – Повернулась и ушла.

Знала ли она о моих «преступлениях»? Как минимум понимала, что ее сын – не паинька.

Однажды (мне тогда было лет девять) мама отдала меня учиться игре на скрипке. Как я ненавидел эти занятия! Меня раздражало все: скрипка, струны, смычок – даже звук, который я извлекал из этого инструмента.

Но скрипка была маминой мечтой – она не могла не воплотить ее во мне.

Поэтому я занимался – со всем отвращением, на какое был способен. Однажды кто-то из соседей сказал моей маме:

– Знаете, как ваш Эдик идет по улице? У него в руках чехол со скрипкой, и он этой скрипкой бьет по каждому столбу: бамм, бамм, бамм.

Мама схватилась за голову: скрипка стоила как десяток придорожных столбов, вместе взятых.

– Ты правда так делаешь? – спросила меня.

– Да, – я не стал отпираться. – Все равно не буду на ней играть!

Мама сдалась. Скрипку продали, музыкальную повинность с меня сняли. Но у меня оказался хороший слух и голос. А когда все сверстники поголовно начали играть на гитаре, я быстро освоил этот инструмент.

Мы воевали. Бились стенка на стенку, старый город – на новый город, завокзальные – на привокзальных. Мы делили территорию так, словно она действительно принадлежала нам. Мы дрались из-за девочек, словно те тоже могли быть добычей.

Однажды (мне тогда было лет пятнадцать) я пошел провожать до дома девочку, которую звали Ляля Банная. Знай я, где она живет, наверное, и не отважился бы. Но я сначала предложил: «А давай я тебя до дома провожу!» И она сначала ответила: «Ну, проводи!» – и улыбнулась лукаво. И лишь после этого сказала, что живет в самой криминальной части Самарканда. Отступать было некуда. Сказать «нет, я туда не пойду» было невозможно даже под страхом смерти.

Ляля понимала: мое появление на ее территории означает почти неминуемую драку. Но женщины ведь любят, чтобы мужчины ради них преодолевали трудности и подвергались испытаниям, – даже если и женщине и мужчине всего по 15 лет.

И мы пошли.

По дороге до Лялиного дома меня, конечно, не трогали. Но как только калитка за Лялей захлопнулась, мне навстречу вышли пацаны с каучуковыми трубками, кастетами и велосипедными цепями.

Во главе шел Колька-бандит – молодой рецидивист, успевший уже дважды отсидеть.

– Ну, расскажи нам, что ты здесь делаешь? – Кажется, это было единственное, что он тогда произнес. Длинные разговоры пацанам не требовались.

И я понял: единственный шанс спастись – сочинить историю. Пусть совершенно неправдоподобную, но такую, что поразит воображение бандита. Здесь и сейчас. На моих губах еще сохранялся вкус Лялиного поцелуя, а я уже плел интригу про обнаруженный мной НЛО (прямо здесь, возле калитки Ляли Банной), про внебрачную дочь прокурора (не спрашивайте, как я увязал ее с инопланетянами) – словом, нагородил столько, что после моего рассказа Колька смотрел на меня совершенно ослепевшим взглядом и повторял:

– Ну ты пацан! Ты приходи к нам, слышишь? Приходи, еще чего-нибудь расскажешь.

Это был первый случай, когда я выкупил у судьбы свое же здоровье – и выкупил собственным языком.

Второй случай произошел чуть позже. В 10-м классе я увлекся Валею Панфиловой – она училась классом младше. И мне казалось, что чувство мое не совсем взаимно, а потому было окрашено для меня в трагичные тона. Я тогда уже по самаркандской моде носил с собой стартовый пистолет. Не каждому так повезло, но у меня, к моей гордости, он был.

Мы с Валею стояли возле огромной чинары, я набрался смелости и спросил: «Ты любишь меня?»

Она молчала. Смотрела загадочно своими голубыми глазами и молчала. Тогда я медленно вынул пистолет (она ведь не знала, что он стартовый!), поднес его к виску и... выстрелил.

Чего я совершенно не ожидал – это реакции Валентины. На ее лице было написано искреннее любопытство: сразу я погибну или еще помучаюсь? Или она знала, что пистолет не боевой? Но мне это было уже все равно. Любовь моя тут же испарилась, как будто ее никогда не было, я вздохнул с облегчением и бодро пошел домой.

Третий случай оказался и вовсе анекдотическим: меня спасла моя будущая жена.

Мы дружили с ней со школьных лет, я учился на два класса старше ее. Я тогда был самым невысоким парнем в классе (это потом уже за одно лето вытянулся на 11 сантиметров), а она – самой красивой девочкой школы.

Конечно, она должна была быть моей.

Однажды вечером я провожал ее домой в Старый город – тот самый центр самой отможенной подростковой мафии. Еще по дороге к ней домой местные пацаны на нас напали. Я даже не успел среагировать – а она закричала так громко и истошно, что весь мафиозный люд бросился врассыпную.

Словом, до дома мы дошли благополучно. А дальше? Как мне возвращаться к себе?

– Они тебя убьют, – сказала Люда. Это было даже не предположение, а констатация факта.

– Оставайся ночевать у нас, – предложила ее мама.

И я остался. Никаких телефонов не было, сообщить своим родителям, что я ночую у Люды, оказалось невозможно. Когда я утром вернулся домой, мама была на грани обморока.

Романтических правил вроде «драка до первой крови» Самарканд не признавал. Если мы дрались, то дрались. Иногда – до смерти.

Однажды 1 января мы гурьбой пошли в соседний двор – праздновать встречу Нового года. Зашли – а там по домам шла банзуха. Мне до сих пор странно, что приходится пояснять этот «термин». Банзуха – это что-то вроде тусовки или гульбы. Люди собирались вместе: пели, танцевали, выпивали. Это называлось «банзовать».

Так вот, мы со своей банзухи пришли на соседскую – а во дворе оказались не только соседи, но и враждебные нам элементы. Мы подрались. Конечно же, подрались: ни один нормальный пацан не потерпит присутствия на своей территории пацана с другого района.

Сначала в ход пошли кулаки, потом – палки, которыми подпирали виноград. А потом моего приятеля пырнули ножом. Мы с ним тогда стояли рука об руку – нож попал в него, но с той же вероятностью мог бы попасть и в меня. Все обошлось, приятель выжил. Но с той же вероятностью мог бы и не выжить.

Это интересное явление – подростковые драки. Проходят годы и десятилетия, сменяются поколения и социальные строи, а они по-прежнему живут. Почти в каждом городе, почти в каждом поколении пацаны сбиваются в банды – и сражаются с себе подобными за власть, территорию и женщин. Потом, став взрослыми, мы камуфлируем свои первобытные инстинкты под карьерный рост и политические дебаты, а в 13–17 лет все максимально прозрачно: у нас есть первобытные инстинкты. И мы должны их «прожить».

Видел в программе «В мире животных» игрища молодых самцов – это же типичный пример поведения мальчишек-подростков!

Драки были жестокими. Настолько жестокими, что не все из нас дожили до совершеннолетия. Но, как это ни странно, они шли фоном. Я учился жизни и учился дружбе. Вот главное, что я вынес из наших подростковых битв: есть дружба. Настоящая. И она не прощает предательства.

До сих пор предательство меня... расстраивает. Мягко говоря, расстраивает. Я знаю, что у каждого человека может быть множество причин для того или иного поступка. Знаю: порой то, что кажется нам предательством, с другой точки зрения может вовсе им не являться. Знаю, что нужно давать человеку второй шанс.

Периодически даю.

И почти всегда жалею об этом.

Да, меня много раз предавали. Я понимаю: это жизнь.

– Нет, скажи, неужели после того, как человек умирает, всё? Он просто умер – и всё? – Мы с приятелем Вадиком Дыховичным сидели на лавочке во дворе.

– Не знаю, – Вадик говорил тихо, но веско, – тут есть несколько теорий.

Он был, пожалуй, самым приятным собеседником – мой ровесник Вадик Дыховичный. Эрудит и талантливый музыкант, он мог глубоко анализировать любое явление. Я мог говорить с ним часами – и это было не обсуждение «кто, когда и с кем», мы говорили о смысле жизни, о дружбе, о том, как устроен человеческий мозг.

Он был очень худой и очень бледный. Даже горячее самаркандское солнце не придавало его коже тот шоколадно-золотистый оттенок, каким мы все обзаводились в самом начале весны.

А потом он умер.

Его мама сказала: порок сердца.

У меня очень сложное отношение к смерти. Временами овладевает страх. А временами я начинаю смотреть на нее философски. Но точно знаю: один из фрагментов этой мозаики – предсмертный крик рецидивиста по фамилии Разумовский.

В пятнадцать лет я сильно заболел. Купался в озере поздней осенью, продрог, простудился – и простуда бесследно не прошла: притащила за собой бронхиальную астму. Во время приступов кашель выворачивал так, что я мечтал о возможности вдохнуть. Никакое чувство голода не сравнится с тем, что испытываешь, когда тебе не хватает кислорода. Его желаешь страстно – а тебя снова скручивает кашель.

Мама-врач смогла положить меня в больницу. По сегодняшним меркам условия в саркандской больнице казались нечеловеческими. В палате нас было 19 человек: все время кто-то храпел, кашлял, стонал, скрипел кроватью.

Состояние у всех было разное. Настолько разное, что один угол палаты был огорожен простыней – за ней помещали смертельно больных. Так проявлялась забота врачей о других пациентах: человек умирал все-таки не на виду у восемнадцати других борющихся за свое здоровье людей. Но в одном с ними помещении.

Разумовский, вопреки своей роскошной фамилии, казался совершенным отбросом общества: уголовник и наркоман, он болел, кажется, всем, чем только можно болеть.

Мы сблизились с ним – мне нравилось слушать его рассказы о жизни, а он посылал меня добывать ему обезболивающее. Мне, сыну врача, разрешалось свободно ходить по всей больнице – этим Разумовский и пользовался. А когда лекарство начинало действовать, Разумовский преображался: обыгрывал всю палату в шахматы, травил байки, хлестко шутил.

А потом его переместили за простыню.

И он кричал.

Сутки, без остановки, страшно, надрывно, безнадежно.

К нему подходили врачи, но помочь ничем не могли. После того как крик прекратился, за простыню заглянул врач и констатировал смерть.

Я мог бы сказать: так закончилось мое детство.

Но оно не закончилось. Я по-прежнему жил в Самарканде. По-прежнему ходил стенка на стенку с пацанами из другого района. По-прежнему зачитывался классикой. По-прежнему грубил учителям. По-прежнему влюблялся в девочек и добивался их благосклонности. У меня был роман с девушкой-таджичкой. Ее родители оказались категорически против того, чтобы она встречалась с парнем другой национальности, а она, чувствуя себя почти Джульеттой, ходила, держась со мной за руку, по главным улицам Самарканда.

Но крик Разумовского остался во мне навсегда.

Сагалаева – это фамилия моей мамы. Считается, что она произошла от татарского слова «сакал», что означает «борода». Говорят, был среди моих предков рыжебородый татарин, от которого и пошел наш род.

Фамилия папы – Файсман. Папа еврей. После того как он женился на русской, его родственники перестали с ним общаться – и обида эта держалась очень долго. Впервые я их увидел только в 18 лет, когда приезжал к ним в Одессу и в Херсон.

Словом, я должен был стать Эдуардом Файсманом. Но родители чувствовали, как нарастают в стране антисемитские настроения, и дали мне фамилию мамы. Я до сих пор не могу для себя решить, правильно ли они поступили? Для облегчения моей карьеры – безусловно правильно. А для облегчения моей совести?

Долгие годы я страдал из-за того, что мне приходится молчать о национальности моего отца. Его – и моей собственной. Чувствовал себя конформистом. А сейчас уже не знаю, кто я. Наверное, немножко еврей, немножко русский, немножко индеец. Пожалуй, по многим чертам характера я русский: все-таки воспитывался в русскоязычной среде. Но мне жаль осознавать,

что «еврейскости» во мне почти не осталось, – поэтому я специально ее в себе культивирую. Пусть сохранится хоть что-то. Я совершенно не чувствую, какими были мои предки по папиной линии. Мамину осознаю очень хорошо – это крестьяне (не кулаки, но крепкие, зажиточные крестьяне). Был некий Пафнутий Сагалаев, который оказал какую-то очень важную услугу Петру I, за что его похоронили с почестями в монастыре.

Но что было с предками отца? Как они выжили? Тысячи лет шел этот неестественный отбор: притеснения, геноцид, холокост... Как они выстояли? Как сотни лет назад пришли в Среднюю Азию? Не знаю. И, наверное, уже не узнаю.

А «индийскость»... Это будет отдельный, очень интересный разговор.

Глава вторая «Говорит Самарканд!»

В Самарканде я прожил 25 лет. Странно: по-настоящему ценность этого города я ощутил, только уехав оттуда. А пока жил в вечном городе, принимал его как данность, как нечто само собой разумеющееся. Мне казалось, так и должно быть. Ходил по улицам, по которым ходил Александр Македонский. Каждый день видел красоту мавзолеев Шахи Зинда, мечети Бибиханым, площади Регистан...

Этому городу 2750 лет. Какую вековую мудрость он транслирует? Сколько дает своим жителям? Невозможно измерить. Все свое детство и юность я был уверен, что только такими и могут быть города.

А потом, переехав в Москву, попал в Балашиху. И увидел совсем другой город: пятиэтажные коробки хрущёвок, разбитые дороги, серость, грязь – и ничего. Ни-че-го! Я смотрел на улицы Балашихи, и сердце сжималось от тоски: «Куда я попал? Как здесь живут люди? Какой прекрасный мой Самарканд!»

Впрочем, Балашиха случилась в моей жизни позднее.

А пока я, окончив школу с весьма посредственным результатом, поступил на филфак Самаркандского госуниверситета. В те годы вечный спор между физиками и лириками уверенно решался в пользу физиков. Технические специальности вышли на пик популярности, физфак, мехмат собирали абитуриентские «сливки». Не меньшей популярностью пользовался иняз. А вот на филфак шли те, кто не мог похвастаться отличными оценками в аттестате.

Моим же аттестатом можно было пугать нерадивых школьников. Практически по всем предметам у меня стояли тройки. Кроме русского языка и литературы – в этих графах красовались уверенные «отл».

Я, конечно, и за учебниками русского языка не проводил бессонные ночи. Просто грамотность моя оказалась врожденной, а чтение так и осталось страстью на всю жизнь.

Словом, я поступил на филологию (в нашей группе оказалось только три мальчика, остальные девчонки – это сразу меня обрадовало), готовился стать учителем русского языка и начал играть в драмтеатре.

Первые свои деньги я заработал как актер. Выходил на сцену в роли красноармейца с винтовкой и кровавой повязкой на лбу, говорил какую-то реплику... За выход (это и ролью не назовешь, так – «выход») нам, студентам-актерам, платили по 2 рубля 40 копеек. Деньги после спектакля относились в ближайший магазин, где покупался портвейн, и пропивались – точно по стоимости «выхода».

– Да тут все понятно: вот микрофон, вот наушники, вот текст, – приятель Эдик Соколовский положил передо мной лист с распечаткой официальных новостей. – Разберешься!

Мы сидели в звукооператорской областного радио Самарканда. Мне было 19 лет. Эдик предложил мне работать диктором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.